Н. А. Жерлицына

(Институт Африки РАН)

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ОТНОШЕНИЯХ СССР И ТУНИССКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1960–1970-х годах

Прямые связи между Россией и Тунисом, установленные еще в конце XVIII в., были надолго прерваны с началом Октябрьской революции в России в 1917 г. Провозглашение Туниса 20 марта 1956 г. независимым государством с удовлетворением было встречено в Советском Союзе, который в течение всех 1950-х годов оказывал весомую поддержку борьбе тунисского народа за независимость в Организации объединенных наций. Основой для развития дружественных связей между двумя странами стали общие цели борьбы против колониализма и его последствий, за мирное, политическое решение международных проблем, а также интересы взаимовыгодного сотрудничества. Успешно развиваясь в экономической, торговой, культурной сферах, советско-тунисское сотрудничество все же лимитировалось идейными позициями советского и тунисского руководства, придерживавшихся различных социальных идеологий. Мессианская идея конечного торжества коммунизма и краха империализма, лежавшая в основе Советского государства, подталкивала руководство СССР к сотрудничеству с государствами «третьего мира», имеющими антиимпериалистический потенциал.

В середине XX в. в качестве генерального ориентира для развития деколонизованных стран оказались две модели — еврокапиталистическая и марксистско-социалистическая. Если первая модель была понятной, но вызывавшей отторжение из-за недавнего колониального прошлого, то привлекательность второй основывалась на возможности за кратчайший исторический срок вырваться из состояния отсталости, совершить индустриализацию, оставаясь в рамках жесткой командно-административной системы. Период конца 1950-х — начала 1960-х годов был временем, когда СССР

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/978-5-88431-246-3/
© МАЭ РАН

пользовался в «третьем мире» наибольшей популярностью, ведь пока индустриальный потенциал и военная мощь СССР только нарастали, еще не были исчерпаны возможности экстенсивного развития экономики, еще не был так очевиден качественный разрыв в развитии советского и западного обществ.

В 1962 г. в Тунисе начался недолгий социалистический эксперимент, вызвавший поначалу прилив энтузиазма и поддержку со стороны официальных властей СССР, советской прессы, научной и пропагандистской печати.

Поворот в социально-экономической политике Тунисской республики начался в 1960 г., одной из причин стала неудовлетворенность темпами экономического развития в 1950-х годах, необходимость совершить рывок в социальном развитии страны, испытывающей последствия колониальной эпохи, ликвидировать отсталость и нищету. В первые годы после получения независимости «дустуровский социализм» существовал только как тенденция внутри правящей партии «Новый Дустур» и профсоюзов, традиционно сильных в Тунисе. Впервые термин «социализм» появился в официальном тунисском лексиконе в 1960 г., когда на очередном съезде Всеобщий союз тунисских трудящихся употребил его в одной из своих резолюций. Тунисские газеты вынесли словосочетание «социализм в Тунисе» в заголовки.

Встречаясь с министром иностранных дел СССР А.А. Громыко в 1961 г. госсекретарь Туниса Садок Мокаддем среди прочего сказал: «Во внутреннем плане правительство проводит политику социального и экономического прогресса, ставя на службу все средства, которыми располагает государство. Таким образом, мы проводим политику, имеющую социалистический смысл, отвечающую всем, кто борется с колониализмом, и в этом, как можно заметить, существуют сходство и взаимные симпатии между Советским Союзом и Тунисской республикой» [Советский Союз и Тунис 2012: 43].

В марте 1962 г. эта доктрина стала официальной идеологией «Нового Дустура», когда президент Хабиб Бургиба выступил перед партийным активом с программным заявлением о планировании и «дустуровском социализме». Основные принципы и по-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/978-5-88431-246-3/
© МАЭ РАН

ложения «дустуровского социализма» были изложены в Общей резолюции Национального совета партии. На ее седьмом съезде в октябре 1964 г. Бургиба конкретизировал свое понимание социализма, имевшего много общего с воззрениями европейских социал-демократов. Наряду с концепцией «национального единства», в основе которой лежал тезис о классовом партнерстве, на передний план он выдвинул специфические формы социализма, основанные на опыте национального строительства Туниса. Социализм, в его понимании, включал в себя практику государственного регулирования экономики на основе среднесрочного и долгосрочного планирования и различные формы развития кооперативного движения. «Дустуровский социализм» признавал принцип неприкосновенности частной собственности, отводя частному капиталу выполнение некоторых общественных функций. На этом съезде были также приняты программа партии и решение о переименовании «Нового Дустура» в «Социалистическую дустуровскую партию».

Период «дустуровского социализма» тесно связан с именем Ахмеда бен Салаха, возглавившего в 1961 г. Государственный секретариат планирования и финансов. Пользуясь поддержкой президента Бургибы, к середине 1960-х годов он фактически превратился в «сверхминистра», сосредоточив в своих руках шесть министерств — экономики, планирования, финансов, промышленности, сельского хозяйства и национального образования. В мае 1962 г. был принят закон «Десятилетняя перспектива планового развития (1962–1971)», в основе которого лежали рекомендации руководимого им секретариата. В рамках десятилетней программы предусматривалось осуществить один трехлетний и два четырехлетних плана развития. Они предполагали проведение ускоренной импортозамещающей индустриализации, кооперирования крестьянства, создания государственного сектора в промышленности и торговле. Программа предусматривала шестипроцентный ежегодный рост ВВП, необходимый для сколько-нибудь ощутимого увеличения подушного национального дохода. К концу 1960-х годов планировалось обеспечить минимальный доход для беднейших слоев населения в 50 динаров на человека. Словом,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/978-5-88431-246-3/
© МАЭ РАН

этот долгосрочный план был типичным образцом программы «догоняющего развития». Его особенностью были намеченные в нем «инвестиции в человека» (т.е. крупные капиталовложения в сферы образования и здравоохранения) — термин, тогда еще необычный и новый. План предусматривал взаимодействие в экономике трех секторов: государственного, кооперативного и частного. Хотя Конституция 1959 г. гарантировала право частной собственности, но на деле оно нередко нарушалось, вызывая недовольство со стороны представителей частного бизнеса и представителей правых взглядов во властных структурах. Была и критика «слева»: тунисские коммунисты полагали, что, напротив, частному сектору отводится слишком большое место в тунисской модели смешанной экономики, а отказ от радикальной аграрной реформы в пользу кооперативного движения в деревне без перераспределения земельной собственности считали главной ошибкой власти.

Критика социалистического эксперимента Бен Салаха «справа» и «слева» имела свои резоны. Но, оценивая его долгосрочные результаты, следует признать, что именно в 1962–1969 гг. Тунис совершил рывок в преодолении экономической отсталости. Итогом осуществления трехлетнего и четырехлетнего планов развития стало создание металлургического комплекса, который вывел Тунис по выпуску стали и проката на третье место среди арабских стран (после Египта и Алжира) [Новейшая история арабских стран Африки 1990: 294]. Были построены машиностроительные, нефтеперерабатывающие, химические заводы, создана текстильная промышленность фабрично-заводского типа.

При реализации проекта индустриализации Тунис столкнулся с общими для развивающихся стран трудностями. Такие издержки перехода к импортозамещающему производству, как очень высокий уровень использования иностранных займов при слабых внутренних источниках накопления, заставили в этот период не одну афро-азиатскую страну отказаться от проектов индустриализации.

Еще хуже обстояли дела с сельским хозяйством. Кооперативное движение представляло собой технократический вариант решения аграрной проблемы, реформа не обеспечивалась ни в материаль-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/978-5-88431-246-3/
© МАЭ РАН

ном, ни в техническом отношениях. Новые производственные объединения почти не давали прибыли, их деятельность была скована излишней бюрократизацией, жизненный уровень большинства крестьян, вступивших в кооперативы, падал. Среднегодовой сбор зерновых в Тунисе в эти годы снизился до уровня 1930-х годов. Неудивительно, что кооперативное движение не только не нашло поддержки среди крестьянства, но и, напротив, аграрная политика Бен Салаха натолкнулась на саботаж и открытое сопротивление тунисцев, вспыхнуло несколько мятежей, были погибшие. Когда в 1969 г. Бен Салах и возглавляемое им министерство экономики и планирования объявили о решении форсировать кооперацию и разрешить эксплуатацию сельскохозяйственных угодий страны только производственными кооперативами (по этому поводу во французской прессе мелькнула шутка про «Тунисскую кооперативную республику»), к возмущенному крестьянству присоединились противники Бен Салаха из партийной и профсоюзной верхушки. Он стал крайне непопулярной фигурой: на парламентских выборах ноября 1969 г. за него в округе проголосовало только 16 % избирателей, тогда как другие члены СДП набирали, как правило, около 99 % голосов [Видясова 2012: 123]. Борьба в верхах завершилась осенью 1969 г., когда была предпринята реорганизация правительства и Бен Салах лишился почти всех своих постов, затем был исключен из партии и предан суду. Кооперация была приостановлена, и через пару лет кооперативов фактически не осталось. Вслед за сельским хозяйством началась широкая приватизация во всех остальных сферах экономики.

Сворачивание социалистического эксперимента в 1969 г. и обращение властей Туниса к политике экономического либерализма существенно охладили двусторонние отношения и привели к единственному в истории двусторонних отношений дипломатическому кризису в 1973 г. Посол СССР в Тунисе С.А. Афанасьев в беседе с начальником политического департамента МИД Туниса Брахимом Тюрки 21 января 1970 г. высказался о своих «впечатлениях о тунисской печати и о том, как она освещает внутренне положение Советского Союза, его некоторые внешнеполитические акции». Посол посетовал, что «тон выступлений тунисской печати

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/978-5-88431-246-3/
© МАЭ РАН

во всем, что касается Советского Союза, нельзя назвать дружественным и благоприятным для развития советско-тунисских отношений. Указал на то, что некоторые статьи за последнее время прямо касались чисто внутренних вопросов нашей страны, и они в совершенно неправильном свете представляли положение, например, в сельском хозяйстве <…> Большое недоумение у меня вызывает тот факт, что происходящие в Тунисе в последнее время изменения в экономической политике некоторые деятели и газеты пытались даже обосновать якобы неудачным опытом Советского Союза в области кооперирования сельского хозяйства. Остальные статьи представляли даже дело таким образом, что в сельском хозяйстве Советского Союза существует не только застой, но якобы дело даже граничит почти с катастрофой» [Советский Союз и Тунис 2012: 66]. В беседе посла Афанасьева с министром иностранных дел Туниса Мохамедом Масмуди 5 июля 1972 г. было заявлено: «Если в свете последних заявлений тунисских руководителей посмотреть на современное состояние советско-тунисских отношений, то невольно приходишь к констатации, что вместо их дальнейшего развития, о желательности которого говорилось тунисской стороной, эти отношения претерпевают известный застой, а в некоторых областях заметен даже определенный шаг назад. Так, наблюдается усиление выступлений тунисской печати, в ложном свете освещающих внутреннее положение нашей страны и ее внешнюю политику. Отмечается сокращение обменов делегациями между общественными организациями обеих стран, не используются предоставленные Советским правительством стипендии для направления в СССР на учебу тунисских граждан, прекращена деятельность ассоциации “Тунис-СССР”, тунисской стороной не выполняются некоторые обязательства по Программе культурного и научного сотрудничества на 1971–1972 гг. Тунисская сторона не воспользовалась некоторыми приглашениями, направленными членам правительства, парламентским деятелям, руководителям телевидения и радиовещания, телеграфного агентства ТАП, породненным городам. Не получали положительного отклика некоторые другие инициативы советской стороны по расширению обменов» [Советский Союз и Тунис 2012: 74].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/978-5-88431-246-3/
© МАЭ РАН

В сентябре 1973 г. тунисские органы государственной безопасности арестовали группу тунисцев, а также заместителя директора Бюро АПН СССР в Тунисе В.А. Кузавкова. Тунисцам было предъявлено обвинение в том, что они за деньги передавали иностранцам секретные документы и информацию, касавшуюся безопасности Туниса. Тунисцы утверждали, что Кузавков, а также заместитель директора Советского культурного центра А.А. Савельев и вице-консул В.А. Крохин передавали значительные суммы денег чиновникам премьер-министерства, министерств иностранных дел, общественных работ, информации и т.д. в обмен на секретные документы и информацию. Савельев и Крохин, как лица, обладающие дипломатическим статусом, были объявлены тунисским правительством персонами нон грата и высланы в СССР, а В.А. Кузавков продолжал оставаться в заключении. МИД СССР немедленно заявил протест, отрицал вину советских граждан и предупредил об «отрицательных последствиях для развития советско-тунисских отношений». Но скандал только рос, распространяясь на все сферы советско-тунисских отношений. Посольство жаловалось, что «тунисские власти чинят препятствия в вопросе диппочты в связи с раскрытием в Тунисе “советской шпионской сети”» [АВП РФ 1973: 117]. В тунисской печати также развернулась широкая антисоветская кампания. Разрешению конфликта способствовало вмешательство высших иерархов советской партийной пирамиды: председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный направил послание лично президенту Туниса Бургибе. Сглаживанию последствий способствовал и приезд в Тунис искусного дипломата, заведующего I АФО МИД СССР А.А. Шведова. После этого визита Кузавков был освобожден и выслан в СССР в конце октября.

Посол СССР в Тунисе в 1973–1981 гг. Б.Л. Колоколов описывает в своих воспоминаниях [Колоколов 1998: 11], какие усилия пришлось приложить, чтобы преодолеть последствия этого кризиса. На то, чтобы восстановить их уровень и начать поступательное движение вперед в различных сферах ушло около двух лет. Но идеологизированный подход все равно сказывался, мешал сближению двух стран.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/978-5-88431-246-3/
© МАЭ РАН

Литература

Архив внешней политики РФ. Ф. 563. Оп. 17. П. 17. Д. 5. Л. 115–117.

Видясова М.Ф. Джихад без войны. Тунисский опыт модернизации и политическое наследие Хабиба Бургибы. Т. II. Кн. 2. М.: ИСАА МГУ; ИВ РАН, 2012.

Колоколов Б.Л. Профессия — дипломат // Дипломатический вестник. М., 1998.

Новейшая история арабских стран Африки. 1917–1987. М.: Наука, 1990.

Советский Союз и Тунис. Из истории отношений. 1917–1991. Архивные документы и свидетельства современников. М.: ИАфр, 2012.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/978-5-88431-246-3/
© МАЭ РАН